

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мухин Н.А., Мухин М.А. Интертекстуальность и полижанровость как факторы анализа текстового исторического источника // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.75546 EDN: OFROGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75546

Интертекстуальность и полижанровость как факторы анализа текстового исторического источника

Мухин Никита Андреевич

ORCID: 0009-0000-3013-3056

преподаватель; кафедра английского языка; Московский государственный лингвистический университет

119048, Россия, г. Москва, р-н Хамовники, ул. Усачёва, д. 62

✉ muhaniksan@gmail.com

Мухин Максим Андреевич

ORCID: 0000-0001-9836-9241

кандидат исторических наук

преподаватель; институт истории и международных отношений; Южный федеральный университет

344034, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, пр-кт Стажки, д. 13, кв. 49

✉ mmuhin@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.4.75546

EDN:

OFROGR

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2025

Аннотация: Предметом исследования статьи является адаптация филологических категорий «интертекстуальность» (связь между текстами) и «полижанровость» (жанровая неоднородность внутри текста) в качестве методологических инструментов исторической науки для анализа текстовых источников. Исследование фокусируется на том, как применение этих категорий позволяет деконструировать «монолитность» исторических документов (на примере мемуаров и научной статьи Т. Э. Лоуренса),

выявляя в них заимствования, вставки из других произведений или микротексты с иной жанровой природой (например, научную статью внутри мемуаров). Цель исследования заключается в демонстрации того, что использование предлагаемых категорий позволит историкам точнее определять авторскую принадлежность текстовых фрагментов, реконструировать историю создания источника, оценивать достоверность информации и выявлять авторские стратегии через призму жанровых конвенций. Исследование использует сравнительно-текстологический анализ и жанровую атрибуцию на основе лингвистических критериев. Основу методологии составляет адаптация филологических концепций интертекстуальности (Р. Барт, Ю. Кристева) и полижанровости (Д. К. Карслиева, Е. А. Андреева, В. И. Хомяков). Исследование предлагает системную адаптацию филологических категорий «интертекстуальность» и «полижанровость» в историческое источниковедение как новый методологический инструмент. Новизна заключается в следующем: 1) демонстрация на примере жанров мемуаров и научной статьи возможности разработки критериев жанровой атрибуции сверхфразовых единств (цель, функции, структура, терминология) для историков; 2) рассмотрение двух типов неоднородности источников – вставок из других конкретных и законченных произведений (на примере включения военно-научной статьи Т.Э. Лоуренса в его мемуары) и «органической» полижанровости (микротекстов иной жанровой природы, как географический очерк во введении мемуаров). Основные выводы: данные категории эффективны для деконструкции «монолитности» источников, реконструкции их «археологии» (источников фрагментов, этапов создания) и выявления авторских стратегий через жанровые конвенции. Это позволяет перевести интуитивный анализ «неожиданностей» текста в рефлексивную плоскость, что открывает перспективы для реинтерпретации исторических исследований.

Ключевые слова:

интертекстуальность, полижанровость, Т. Э. Лоуренс, мемуары, Семь столпов мудрости, история и литература, история и лингвистика, исторический источник, категория жанра, категория текста

Историческая наука неизбежно работает с текстами, относящимися к самым разным группам – от законодательных актов до источников личного происхождения. Хотя для историка в процессе познания детали исследований лингвистики текста и генристики носят периферийный характер, отдельные категории, разрабатываемые в рамках языкоznания, находят применение и в исторической науке. Они могут быть использованы как «линзы», облегчающие познание аспектов, актуальных для анализа различных типов источников. Целью нашего анализа является изучение того, как категории «интертекстуальность» (совокупность всех возможных форм взаимоотношений между текстами) и «полижанровость» (жанровая неоднородность текста) могут быть адаптированы в качестве инструментов познания в исторической науке. Научная значимость данного подхода для историка может быть продемонстрирована двумя путями: анализом непосредственно текстов-источников и реинтерпретацией уже существующего исторического исследования с использованием категорий «интертекстуальность» и «полижанровость». В настоящей статье реализован первый путь, для этого обращаемся к двум текстам Т. Э. Лоуренса (Лоуренса Аравийского): мемуарам «Seven Pillars of Wisdom» и научной статье «The Evolution of a Revolt».

Для более глубокого понимания проблемы необходимо осуществить теоретическое

осмысление категорий «интертекстуальность» и «полижанровость», начав с их предпосылок в виде трактовок понятий «текст» и «жанр».

В лингвистике XX в. понимание категории текста существенно эволюционировало. Если изначально она рассматривалась почти исключительно как изолированный источник материала для структурного анализа, то постепенно текст стал восприниматься как самостоятельный и сложный объект исследования. Ключевым для нашей статьи следствием этого нового взгляда на категорию текста стало пристальное внимание к тому, как ее представители соотносятся друг с другом. Это свойство, получившее в науке обозначение «интертекстуальность», заключается в том, что любой текст существует не в вакууме, а в диалоге с другими текстами – цитируя, переосмысливая, полемизируя с ними.

Хотя отдельные ученые и ранее отмечали явления, которые мы сегодня назвали бы интертекстуальностью, систематическая разработка этой исследовательской оптики принадлежит французским исследователям второй половины XX в. – Р. Барту^[3] и Ю. Кристевой^[8, 9]. Именно Кристева дала одно из самых емких определений сути явления в статье «Бахтин, слово, диалог и роман»: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности...»^[8, с. 429]. Тем самым автор подчеркивает, что смысл текста никогда не создается изолированно: он всегда формируется через сложную сеть связей с предшествующими высказываниями, культурными кодами и другими текстами. Для историка это означает, что понимание любого источника требует внимания к его «диалогу» с более широким контекстом.

Важно подчеркнуть: сама идея о взаимосвязанности текстов, по сути близкая интертекстуальности, была всегда интуитивно понятна историкам при работе с источниками. Тем не менее, теоретическое осмысление этого феномена в рамках исторической науки долгое время оставалось фрагментарным. Ситуация изменилась лишь относительно недавно в результате усиления междисциплинарного диалога. С одной стороны, историки все активнее заимствуют и применяют сам термин «интертекстуальность» и связанные с ним концепции для анализа своих материалов^{[1], [10]}. В частности, Л. М. Лысенко в статье «Текст, контекст и интертекст в историческом исследовании губернской реформы Петра I» использует свойство интертекстуальности как один из инструментов для уточнения датировки проведения Петром I губернской реформы. С другой стороны, лингвисты и исследователи дискурса все чаще включают в поле своего внимания тексты, традиционно относимые к историческим источникам, анализируя их с помощью своего инструментария^{[13], [15]}.

Перейдем ко второму ключевому для нашего анализа термину – «полижанровость». Важно подчеркнуть, что его использование основывается на трактовке понятия «жанр», имеющей две ключевые предпосылки. Во-первых, за ним закрепляется широкий смысл, который близок к понятию «речевой жанр» (охватывающему все устойчивые типы высказываний), а не ограничивается только художественной литературой. Во-вторых, жанр понимается как институционализированная обезличенная форма интертекстуальности, имеющая ряд дифференциональных признаков (некоторые свойства исходных текстов воспроизводятся в схожих текстах настолько часто, что теряют свое авторство и определяют этот жанр в оппозиции к другим жанрам).

Вторая предпосылка нуждается в более подробном рассмотрении. В связи с этим обратимся к статье В. В. Дементьева «Интертекстуальный аспект речевых жанров»^[6].

Автор подчеркивает глубокую связь между интертекстуальностью (в кристевском понимании, восходящем к Бахтину) и бахтинской же концепцией речевого жанра: «...Интертекстуален и РЖ [речевой жанр] – как форма высказывания, а тем самым – форма этого самого “чужого слова”. С одной стороны, сами эти формы, т. е. собственно РЖ, тоже “чужие”: принадлежат не говорящему/пишущему, а многим и многим “другим авторам” до него; с другой стороны, используя тот или иной РЖ, говорящий вспоминает, что в примерно такие же формы в примерно таких же ситуациях отливали свои высказывания эти “другие”» [\[6, с. 10\]](#). Это означает, что выбирая определенный жанр (например, мемуары или военную аналитику), автор неизбежно вступает в диалог не только с конкретными предшествующими текстами, но и с самой традицией этого жанра. Жанр диктует ожидаемые структуры, стиль, способы аргументации и даже типичные «голоса» или точки зрения, которые в этом жанре принято воспроизводить из текста в текст. Для историка этот взгляд раскрывает новый уровень анализа источника: понимая жанровые конвенции, мы можем лучше увидеть, как автор использует устоявшимся формы, следует им или отклоняется от них, и какие «чужие слова» (идеи, оценки, риторические приемы) вплетаются в текст через сам выбор и реализацию жанра.

Совмещение идей В. В. Дементьева об интертекстуальной природе жанра и интерпретации текста как набора связанных между собой сверхфразовых единств (сложных синтаксических целых, микротекстов) [\[14\]](#), каждое из которых может обладать собственной жанровой формой, подводит нас к важному выводу. Даже в рамках одного текста автор часто использует не один, а множество различных речевых жанров как формы для «отливки» своих отдельных высказываний или смысловых блоков. Эта идея «полижанровости» текста активно разрабатывается современными исследователями [\[2\]](#),[\[7\]](#),[\[12\]](#). Она предполагает, что сложные тексты (такие как мемуары) редко бывают жанрово «чистыми». Напротив, они представляют собой композиционное единство, куда органично вплетаются многократно воспроизведенные в других текстах элементы жанров (например, источник личного происхождения может содержать сверхфразовые единства, которые демонстрируют свойства, присущие жанру научной статьи). Каждое такое «включение» не только выполняет свою функцию в нарративе или аргументации, но и активизирует новые интертекстуальные связи, отсылая к традициям и конвенциям соответствующего жанра. Для анализа источникового материала в рамках настоящего исследования полижанровость вызывает особый научный интерес, так как ранее она не привлекала внимание историков.

Подводя итог теоретическому разделу статьи, кратко изложим описанные ранее ключевые концепты, которые намерены предложить в качестве инструментов для анализа источникового материала. Во-первых, интертекстуальность представляет собой совокупность всех возможных форм взаимоотношений между текстами. Данное понятие описывает любой текст как содержащий в себе прямые и/или косвенные заимствования из других текстов. Во-вторых, полижанровость – способность текста сочетать сверхфразовые единства, обладающие различной жанровой природой, не обязательно совпадающей с таковой текста в целом. С учетом данных категорий возможно отнесение фрагментов одного и того же текста к различным типам источников. Проиллюстрируем данное положение на примере мемуаров «Seven Pillars of Wisdom» и военно-научной статьи «The Evolution of a Revolt» Т. Э. Лоуренса.

Рассмотрение реального источникового материала

На первый взгляд, между двумя произведениями Т. Э. Лоуренса должно прослеживаться мало сходств, так как тексты принадлежат к значительно различающимся жанрам: к

мемуарам и научной статье. Однако в Главе XXXIII «Seven Pillars of Wisdom», описывающей болезнь автора и размышления о дальнейших действиях арабского восстания, обнаруживается фрагмент, имеющий значительное смысловое сходство (вплоть до совпадений формулировок) с основной частью статьи «The Evolution of a Revolt». Продемонстрируем семантическую близость двух текстов, представив их фрагменты в формате таблицы. Отметим, что приводить в рамках статьи анализируемые фрагменты во всей полноте не представляется практическим в силу их объема (9 страниц в оригинальном оформлении). Соответственно в таблице рассматриваются лишь иллюстративные примеры: слева дается ряд предложений из мемуаров (T. E. Lawrence, Seven Pillars of Wisdom, p. 193-194), а справа – соответствующие им предложения из статьи (T. E. Lawrence, The Evolution of a Revolt, p. 6-7). Полностью совпадающие формулировки выделены.

<p>As I have shown, I was unfortunately as I was unfortunately as much in charge of much in command of the campaign as I the campaign as I pleased, and had had no pleased, and was untrained.</p>	<p>training in command to fit me for such a work.</p>
--	---

<p>In military theory I was tolerably read, my In military theory I was tolerably read, for Oxford curiosity having taken me pastcuriosity in Oxford years before had taken Napoleon to Clausewitz and his school, tome past Napoleon to Clausewitz and his Caemmerer and Moltke, and the recentschool, to Caemmerer and Moltke, Goltz Frenchmen.</p>	<p>and the recent Frenchmen.</p>
---	----------------------------------

<p>They had all seemed to be one-sided; andThese had seemed very partial books, and after looking at Jomini and Willisen, I had after a look at Jomini and Willisen I had found broader principles in Saxe andfound broader principles in the eighteenth Guibert and the eighteenth century.</p>	<p>century, in Saxe, Guibert and their followers.</p>
--	---

<p>The books gave it [the aim in war] pat –However, the books gave me the aim in war the destruction of the armed forces of the quite pat, "the destruction of the organized enemy by the one process – battle.</p>	<p>forces of the enemy" by "the one process battle."</p>
---	--

<p>Victory could be purchased only by blood. Victory could only be purchased by blood. This was a hard saying for us. As the Arabs This was a hard saying for us, as the Arabs had no organized forces, a Turkish Foch had no organized forces, and so a Turkish would have no aim. The Arabs would not Foch would have no aim: and the Arabs endure casualties. How would our would not endure casualties, so that an Clausewitz buy his victory?</p>	<p>Arab Clausewitz could not buy his victory.</p>
--	---

Столь сильная близость фрагментов мемуаров и статьи дает основания предполагать, что в действительности это не два отрывка, а один, общий для двух текстов, что подводит нас к интригующему вопросу. Так что перед нами: мемуары или научная статья? Какой жанровой природой обладает общий для двух текстов фрагмент? Категория интертекстуальности предлагает два понятия для описания текстового взаимодействия: первичный и вторичный тексты. При высокой степени близости вторичного текста к первичному, представляется возможным описывать жанровую принадлежность общего отрывка как привязанную к первичному тексту. Это ставит перед нами проблему определения характера интертекстуального взаимодействия между Главой XXXIII мемуаров «Seven Pillars of Wisdom» и научной статьей «The Evolution of a Revolt». Тогда вопрос о жанровой принадлежности фрагмента оказывается привязан к другому вопросу. Что первичнее: мемуары или статья?

Интуитивно очевидным для определения данного соотношения двух текстов

представляется обращение к дате их публикации. Так, лоуренсовская статья вышла в октябре 1920 г., а самая первая версия мемуаров относится к февралю 1922 г. В таком случае первичным текстом является именно статья. Тогда и к основной части статьи, и, следовательно, к ее включению в текст мемуаров должна применяться методология работы с научной литературой. Однако может встать вопрос о произвольности выбора именно даты публикации в качестве ориентира при трактовке природы текста в связи с тем, что текст не порождается в момент публикации. Более целесообразным и практическим будет обращение ко второй филологической категории, рассмотренной в первой части исследования, – к полижанровости. В таком случае анализируемый фрагмент, общий для мемуаров и статьи, возможно рассматривать как написанный в жанре научной статьи вне зависимости от первичности того или иного текста. Однако на каких основаниях производится подобная жанровая аттрибуция?

Анализируемый фрагмент включен как основной структурный элемент в состав статьи, которая опубликована в научном журнале «Army Quarterly and Defense Journal», специализирующемся на военной теории. Кроме того, сам фрагмент демонстрирует свойства, характерные для жанра научной статьи. Рассмотрим, какие именно из них позволяют нам проводить жанровую аттрибуцию, обратившись к существующим трактовкам жанра научной статьи. Хотя они и находят отражение в лексикографических материалах («Большой толковый словарь русского языка», «Исследовательская деятельность. Словарь»), более подробно суть явления раскрыта в исследовании О. А. Галановой «Жанр научной статьи как формула культуры» [5].

Во-первых, анализируемый фрагмент (даже в том виде как он содержится в мемуарах Т. Э. Лоуренса) выполняет общую цель научной речи – «сообщение нового знания о действительности и доказательство его истинности» [5, с. 65]. Автор мемуаров на примере британских вооруженных сил демонстрирует, что для ведения современных боевых действий модель армии на основе всеобщей воинской повинности не является обязательной, тем самым указывая на логическую несостыковку в тезисах Ф. Фоша: «Фактически Фош опроверг собственную аргументацию, говоря, что ведение такой [современной] войны привязано к массовой мобилизации и невозможно для профессиональных армий, тогда как армия старого образца по-прежнему остается британским идеалом, а ее порядки – мечтой рядового состава» (T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom*, p. 196) (здесь и далее перевод наш).

Во-вторых, в тексте реализуются функции, проистекающие из цели научной речи: «отражение процесса познания, фиксация его результатов, их интерпретация и верификация» [5, с. 65]. Данный факт можно проиллюстрировать следующим фрагментом «Seven Pillars of Wisdom»: «Первым заблуждением была ложная антитеза стратегии – цели войны, обзорного подхода, при котором каждая часть представляет в своей связи с целым, и тактики – средств достижения цели, конкретными ступенями стратегии. Они представлялись мне единственными точками зрения, с которых можно было оценить все элементы войны: алгебраический компонент вещей, биологический компонент жизней и психологический – идей» (T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom*, p. 197).

В-третьих, в тексте Т. Э. Лоуренса обнаруживается свойство, которое О. А. Галанова описала следующим образом: «всякий элемент нового знания окружен в научном тексте уже известным, т. е. “старым” знанием» [5, с. 65]. Так, автор мемуаров неоднократно упоминает авторов военных трактатов, с которыми он ознакомился: Наполеон, Клаузевиц, Мольтке, Жомини, Гольц, Фош и др. Кроме того, Т. Э. Лоуренс обращается и непосредственно к идеям некоторых из приведенных военных теоретиков: «В

современной войне – он [Фош] называл ее абсолютной войной – две нации, проповедующие несовместимые философии, решают разрешить противоречие силой» (T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom*, p. 195).

В-четвертых, анализируемый фрагмент (за вычетом ряда собственно мемуарных вкраплений) демонстрирует еще одно чрезвычайно важное свойство, описываемое О. А. Галановой: «...Знание находится в обозримой и связной форме [...] Поэтому объём текста не может быть очень большим» [\[5, с. 67\]](#). Так, «научная статья» Т. Э. Лоуренса занимает лишь стр. 193–202 «*Seven Pillars of Wisdom*», что (особенно с учетом нескольких мемуарных «врезок») полностью соответствует описанным выше представлениям о научной статье.

В заключение анализа жанровой принадлежности анализируемого фрагмента отметим, что возможно сужение используемого нами обозначения до военно-научной статьи, происходящее из военной направленности описываемого процесса познания. Для иллюстрации данной направленности приведем ряд военных терминов, которые используются автором: *march, blockade, garrison, trench, levy in mass, professional army, ranks and files, strategy, tactics, attack-in-depth* и т.д.

Таким образом, нам удалось установить, что отдельные сверхфразовые единства могут обладать жанровой природой, отличающейся от доминирующей в остальном тексте (мемуары). Вследствие этого мы предлагаем исключать отдельные части «*Seven Pillars of Wisdom*» из рассмотрения его как источника личного происхождения, а изучать как относительно автономные тексты, особенно с учетом функционирования проанализированного фрагмента в составе статьи, опубликованной в военно-научном журнале.

Проведенный анализ показывает, что обращение к категориям «интертекстуальность» и «полижанровость» позволяет произвести деконструкцию «монолитности» исторического источника. Признание внутренней жанровой неоднородности позволяет увидеть, что «единий» источник на самом деле сложен из фрагментов разной природы, способных существовать и в других текстах. Это позволяет, в том числе, определить, где заканчивается оригинальный документ и начинается вставка или заимствование из другого источника, что оказывается значимым при установлении аутентичности и датировки частей текста. С этим аспектом связана возможность идентификации утраченных источников, из которых был заимствован тот или иной фрагмент.

Полижанровость может проявляться и иначе: когда фрагмент с отчетливо иной жанровой природой не является заимствованным из другого цельного и законченного произведения. В этом случае теряется легко прослеживаемая связь с конкретным текстом-источником, однако категория полижанровости сохраняет свою аналитическую ценность как инструмент исследования внутренней структуры исторического источника. Это обусловлено тем, что отдельные микротексты могут иметь интертекстуальную связь с представителями жанра, который не является доминирующим в макротексте. В качестве примера такого «органически присущего» жанрового многообразия обратимся к вступительным главам (I–VII) мемуаров Т. Э. Лоуренса «Семь столпов мудрости». Чтобы выявить специфику этой полижанровости, мы проведем контрастный анализ двух отрывков: одного из основной части текста (Глава XII) и другого – из Глав I–VII, своеобразного развернутого введения. Первым рассмотрим фрагмент из основной части «*Seven Pillars of Wisdom*»:

«Мы поднялись к саду, следуя вверх по течению ручья, который, искрясь, устремлялся в

облицованный камнем канал, а затем повернули вдоль глиняной ограды под сенью пальм и направились к другому селению. Мы двигались за Тафасом по узкой улочке (дома здесь были такими низкими, что мы из седел смотрели сверху вниз на их глиняные крыши). Он остановился у одного из домов побольше размером и постучал в ворота. Невольник отворил, и мы спешимся в уединении некрытого двора. Тафас привязал верблюдов, ослабил подпруги и бросил перед ними охапку зеленого сена из благоухавшей у ворот копны. Затем он провел меня в комнату для гостей небольшого саманного дома с крышей из земли, утрамбованной поверх обрешетки из пальмовых жердей. Мы уселись на невысокий помост, накрытый циновкой из пальмовых листьев. День в этой душной долине оказался очень жарким, и мы скоро повалились рядом на циновку. Жужжение пчел в саду за стенами дома и мух, тучами круживших над нашими прикрытыми сеткой лицами, убаюкало нас» (T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom*, p. 89).

Характер повествования в приведенном выше отрывке имеет отчетливо мемуарный характер. Для верификации этого тезиса необходимо обратиться к научной трактовке собственно жанра мемуаров. Будучи предметом активного изучения филологов, данный жанр обладает хорошо разработанным понятийным аппаратом. Так, в диссертационном исследовании «Военные мемуары и дневниковая проза Великой Отечественной войны: жанрово-стилевые особенности» А. М. Маркусь, проанализировав существующие трактовки, определяет тексты данного жанра как литературные произведения, содержащие «в своей первооснове жизненный опыт человека, раскрывающийся с ярко выраженной субъективностью в воспроизведении событий прошлого» [11, с. 31]. Опираясь на данное определение, мы можем проверить, соответствует ли приведенный фрагмент «*Seven Pillars of Wisdom*» канонам жанра мемуаров.

Первый признак мемуаров, выделяемый А. М. Маркусь, заключается в основанности на жизненном опыте. В рассматриваемом отрывке данное свойство представлено ярко в силу яркого профилирования чувственного восприятия автора. Так, маркерами этого служат лексические единицы *sparkling, fragrant, dark, stifling, hot, hum*. Кроме того, автор описывает действия, которые он совершал сам или вместе со спутниками: *rode up, turned, looked down upon, dismounted, sat down, lay back*.

Второй признак, субъективность, проявляется в активном использовании форм личных местоимений первого лица единственного и множественного числа (девять раз суммарно).

Третий признак, согласно А. М. Маркусь, связан с воспроизведением событий прошлого. Предполагаем, что с учетом ранее рассмотренного акцента на субъективность имеется в виду прошлое самого автора текста. В противном случае по этому критерию любое историческое исследование подходило бы под жанр мемуаров. В данном случае содержится довольно полное воспроизведение восприятия Т. Э. Лоуренсом въезда в родную деревню Тафаса, одного из его спутников.

Таким образом, проанализированный фрагмент представляет собой довольно типичный случай мемуарного текста, что определяет его рассмотрение как источник личного рассмотрения. Теперь же перейдем к анализу отрывка, отобранного из вступительных глав *Seven Pillars of Wisdom*.

«Происхождение этих народов было академической проблемой, но для выяснения истоков их восстания важно понимать сущность сложившихся социальных и политических различий между ними, что возможно осознать, лишь обратившись к географии. На

условном континенте, занимаемом ими, выделяются несколько крупных регионов, большие материальные различия между которыми предопределили различия в образе жизни населявших их народов. На западе этот параллелограмм на пространстве от Александретты до Адена ограничен гористым поясом, именовавшимся на севере Сирией; по мере продвижения на юг его название сменяется последовательно на Палестину, Мидиан, Хиджаз и, наконец, Йемен. Средняя высота этого пояса над уровнем моря составляет около тысячи метров, с пиками – от трех до четырех тысяч. Эта горная гряда обращена на запад, обильно увлажняется дождями и облаками, приносимыми с моря, и плотно заселена» (T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom*, p. 32).

Полижанровость данного фрагмента становится очевидной при его сопоставлении с основным жанром «*Seven Pillars of Wisdom*», т. е. с мемуарами, пример которого был рассмотрен выше. Вновь обратимся к исследованию А. М. Маркусъ с целью определить, вписывается ли второй анализируемый фрагмент в ту же жанровую традицию. Напомним, что жанр мемуаров объединяет литературные произведения, содержащие «в своей первооснове жизненный опыт человека, раскрывающийся с ярко выраженной субъективностью в воспроизведении событий прошлого» [\[11, с. 31\]](#).

В первую очередь, установим, основывается ли второй анализируемый фрагмент на жизненном опыте Т. Э. Лоуренса. При обращении к приведенному выше отрывку обнаруживается, что во фрагменте, взятом из вступления к *Seven Pillars of Wisdom*, в отличие от рассмотренного ранее материала не содержится каких-либо маркеров жизненного опыта автора. Возможна аргументация о том, что текст отражает прочитанную автором литературу об Аравии, что тоже является жизненным опытом, однако столь широкая трактовка данного явления может сделать критерий основанности на жизненном опыте применимым к абсолютно любому тексту в силу интертекстуальности.

Далее А. М. Маркусъ указывает на ярко выраженную субъективность как значимое свойство жанра мемуаров. Однако во втором анализируемом фрагменте отсутствуют личные местоимения первого лица единственного и даже множественного числа как самые яркие показатели «присутствия» автора в тексте. Кроме того, не наблюдаются вводные конструкции-маркеры личного мнения, например «по моему мнению» и пр.

Также мемуары характеризуются воспроизведением событий прошлого. Напомним, что при субъективной направленности текстов данного жанра, актуально воспроизведение событий непосредственно авторского прошлого. При обращении ко второму исследуемому фрагменту обнаруживается тот факт, что он представляет собой географическое описание региона земного шара, которое в отличие от описания жизни человека не имеет столь ярко выраженного временного параметра в силу скорости геологических процессов. В соседних же фрагментах действительно содержится воспроизведение событий прошлого, но не таковых автора или хотя бы народа, к которому он принадлежит сам (британцы), а арабов.

Итак, второй проанализированный фрагмент не может быть отнесен к жанру мемуаров ни по одному из критериев, существующих в филологических дисциплинах. С учетом характера данного микротекста возможно его отнесение к жанру историко-географического очерка, однако с определенной степенью условности, так как собственно авторская атрибуция, отсутствующая для проанализированного микротекста, также является значимым фактором при определении жанра.

Таким образом, нам удалось продемонстрировать, что разные сверхфразовые единства могут нести разные типы информации. С учетом данного фактора историк может точнее

оценить надежность и репрезентативность информации в каждом конкретном фрагменте источника. Кроме того, автор текста (или компилятор) мог использовать разные жанры для реализации различных целей в рамках одного текста. Также возможен анализ, направленный на выявление в смене жанра отражение авторской позиции, реакции на давление, попытки примирить противоречия или скрытое сопротивление требованиям заказчика текста. Анализ полижанровости сверхфразовых единства помогает вычленить эти стратегии, что также углубляет анализ исторических источников. Важно учитывать, что каждый жанр ориентирован на свою (реальную или воображаемую) аудиторию, и его реализация в сверхфразовых единства имеет свою коммуникативную цель внутри общего текста. Понимание этого помогает реконструировать сложную сеть коммуникаций и жанровых ожиданий прошлого.

Отдельного внимания заслуживает значимость полижанровости для реконструкции истории создания текста: сверхфразовые единства с различной жанровой природой могут быть маркерами разных этапов создания документа. Это ключ к текстологическому анализу и установлению «археологии текста».

В рамках настоящей статьи нам удалось продемонстрировать, что филологические категории интертекстуальности и полижанровости могут представлять значительный интерес для историков. При этом возможно разделить все случаи применимости данных концепций на два типа:

С одной стороны, анализируемый текст может содержать фрагменты, которые однозначно присутствуют в другом конкретном и завершенном тексте, что актуализирует категорию интертекстуальности в том смысле, как ее предложили французские исследователи Р. Барт и Ю. Кристева. Категория полижанровости позволяет в данном случае провести границу между фрагментами различного авторства в рамках одного текста, так как они будут представлять собой различные сверхфразовые единства, т. е. микротексты.

С другой стороны, интертекстуальность может реализовываться не только в виде цитирования конкретного текста, но и сугубо в виде актуализации тех или иных жанровых конвенций, выработанных целым рядом текстов, со всеми из которых вторичный текст вступает во взаимодействие той или иной степени очевидности. В подобном случае свойство полижанровости проявляется еще ярче и позволяет определить жанровые стратегии каждого сверхфразового единства, за которыми кроется то, какие цели преследовал автор, какими жанрами он владел, какое видение пытался выразить в своем тексте.

Предлагаемый подход, основанный на категориях интертекстуальности и полижанровости, по своей сути не столько расширяет методологический арсенал исторической науки, сколько проводит его систематическую экспликацию. Он позволяет перевести из сферы интуиции в область осознанного применения часть того самого гибкого «вопросника», который, по меткому замечанию М. Блока, незримо направляет работу каждого историка. В своей «Апологии истории» он подчеркивал: «Нам, естественно, необходим этот набор вопросов, чрезвычайно гибкий, способный по пути обрасти множеством новых пунктов, открытый для всех неожиданностей...» [4, с. 38]. Именно эти «неожиданности» источника – будь то странный жанровый сдвиг или скрытая цитата – часто воспринимаются исследователем как случайность, требующая интуитивной реакции. Однако, следуя логике Ф. Энгельса («любая случайность есть непознанная закономерность»), можно утверждать: категории интертекстуальности и полижанровости предлагают ключ к познанию закономерностей, стоящих за подобными «случайными» находками в тексте. Они помогают превратить инстинктивную работу историка,

столкнувшегося с неожиданной чертой анализируемого текста, в осознанный инструмент «диссекции» и интерпретации исторического источника. Возможно, нам удалось не столько создать новое, сколько познать одну из тех «неожиданностей», к которым Блок призывал быть готовым, переводя интуитивный вопросник в плоскость рефлексивной методологии.

Разумеется, следует учитывать, что данное исследование проводилась не «*in vivo*». Так, по крайней мере, в рамках конкретно текущей статьи анализ текстов Т. Э. Лоуренса не служит иной цели исторического исследования кроме собственно демонстрации практической применимости филологических категорий интертекстуальности и полижанровости. Следующим этапом интеграции данных категорий в понятийный аппарат исторической науки представляется реинтерпретация уже выполненных исследований, где использование предложенных теоретических рамок было бы актуально.

Библиография

1. Андреев В. М. Археологический памятник в макротексте современной культуры: интертекстуальность, метатекстуальность, контекстуальность // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 819.
2. Андреева Е. А., Хомяков В. И. Полижанровая структура современного деревенского очерка // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 3 (88). С. 31-34.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Блок М. Апология истории, или ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко ; примеч. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. 232 с.
5. Галанова О. А. Жанр научной статьи как форма культуры / О. А. Галанова // Journal of Siberian Medical Sciences. 2013. № 6. С. 65-74.
6. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 9-26. EDN: VLFUIT.
7. Карслиева Д. К. Жанровая полифония в романе Й. Макьюэна "Искупление" // Вестник ТГГПУ. 2013. № 2 (32). С. 127-130.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктуранизму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.
9. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. Изменение функций литературы. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
10. Лысенко Л. М. Текст, контекст и интертекст в историческом исследовании губернской реформы Петра I // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. "XIV Виноградовские чтения", Москва, 16-17 окт. 2015 г. / отв. ред. И. А. Бирич, В. А. Коханова, А. Ю. Челнокова. Т. II. М.: МГПУ, 2016. С. 210-219.
11. Маркусь А. М. Военные мемуары и дневниковая проза Великой Отечественной войны: жанрово-стилевые особенности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. М. Маркусь ; Урал. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2017. 286 с.
12. Мухин Н. А. Взаимодействие жанров: определение понятия и методология исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 5 (886). С. 86-93.
13. Новоселова Е. В. Проблема интертекста на материале испанских колониальных хроник XVI-XVII вв., посвящённых древнему Перу // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф., Астрахань, 20 апр. 2018 г. / под ред. Е. Е. Завьяловой. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2018. С. 45-52.
14. Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. АН СССР, Ин-т языкоznания, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука, 1989. 165 с.

15. Филипповский Г. Ю. "Повесть временных лет" как интертекст в "Слове о полку Игореве" / Аспекты прикладной филологии. Литературоведение. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2018. С. 86-90.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является применение лингвистических категорий «интертекстуальность» и «полижанровость» в качестве инструментов анализа исторических источников. Автор исследует возможности использования этих филологических концептов для более глубокого понимания структуры и содержания текстовых источников на примере произведений Т. Э. Лоуренса («Seven Pillars of Wisdom» и «The Evolution of a Revolt»).

Методология исследования

Методологическая основа работы носит междисциплинарный характер, сочетая теоретико-лингвистический подход с методами источниковедческого анализа. Автор использует сравнительно-сопоставительный метод для анализа текстов Лоуренса, жанровый анализ для определения природы отдельных фрагментов, а также элементы интертекстуального анализа.

Методология в целом корректна и соответствует поставленным задачам, хотя требует более четкого обоснования критериев жанровой атрибуции. В частности, переход от констатации текстуального сходства к выводам о жанровой природе фрагментов нуждается в более развернутой аргументации.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения методологического арсенала исторической науки за счет заимствования эффективных аналитических инструментов из смежных дисциплин. В условиях активного развития междисциплинарных подходов в гуманитарном знании предлагаемый автором методологический синтез представляется своевременным и перспективным.

Особую значимость приобретает возможность более тонкого анализа сложных, композиционно неоднородных исторических источников, что особенно актуально в эпоху «лингвистического поворота» в исторической науке.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в систематической адаптации лингвистических категорий интертекстуальности и полижанровости для нужд исторического источниковедения. Автор предлагает оригинальный подход к анализу внутренней структуры исторических текстов, позволяющий выявлять «жанровые слои» в рамках одного источника.

Новаторским является конкретное применение этих концептов к анализу произведений Лоуренса с демонстрацией практической значимости предлагаемого подхода. Особенно ценным представляется выявление интертекстуальных связей между мемуарами и

научной статьей, что открывает новые возможности для текстологического анализа исторических источников.

Стиль, структура, содержание

Статья характеризуется ясным научным стилем изложения и логичной структурой. Автор последовательно переходит от теоретического обоснования к практическому применению разработанных концептов. Структура работы оптимальна: теоретическая часть создает необходимую концептуальную основу, а аналитическая часть убедительно демонстрирует эвристический потенциал предложенного подхода.

Содержательно статья насыщена и информативна. Автор демонстрирует глубокое знание как лингвистической теории, так и конкретного исторического материала. Особенно удачным представляется табличное сопоставление текстов Лоуренса, наглядно иллюстрирующее интертекстуальные связи между произведениями.

Вместе с тем следует отметить избыточную детализацию некоторых теоретических положений, что несколько утяжеляет восприятие текста.

Библиография

Библиографический аппарат статьи адекватен поставленным задачам и включает релевантные источники по лингвистике текста, теории жанра и интертекстуальности. Автор опирается на классические работы Ю. Кристевой, Р. Барта, современные исследования российских филологов.

Положительно следует оценить привлечение как отечественных, так и зарубежных исследований. Вместе с тем библиография могла бы быть расширена за счет зарубежных работ по историческому источниковедению и теории нарратива, что позволило бы более полно представить международный контекст обсуждаемой проблематики.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно полемизирует с существующими подходами, демонстрируя знание предшествующей традиции изучения интертекстуальности и жанровых категорий. Однако дискуссионность предлагаемого метода могла бы быть представлена более развернуто.

Недостаточно проработана проблема возможных ограничений применимости предлагаемых категорий к различным типам исторических источников. Также не вполне ясно, как предлагаемый подход соотносится с традиционными методами источниковедческого анализа.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа и обладают как теоретической, так и практической значимостью. Автор убедительно демонстрирует, что категории интертекстуальности и полижанровости могут стать эффективными инструментами историко-источниковедческого анализа.

Особенно ценным представляется вывод о возможности «деконструкции монолитности исторического источника», что открывает новые перспективы для текстологического анализа. Справедливо отмечается значимость предлагаемого подхода для установления аутентичности и датировки частей текста.

Статья несомненно вызовет интерес у широкой читательской аудитории – от специалистов по источниковедению до исследователей, работающих на пересечении истории и филологии. Предложенный подход открывает новые перспективы для анализа сложных, композиционно неоднородных исторических текстов.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой качественное междисциплинарное исследование, вносящее заметный вклад в развитие методологии исторической науки. Предлагаемый автором подход обладает несомненной новизной и практической значимостью.